

Кажарова И. А. Путь как пространственная и духовная категория в романе А. Нажжара «Изгнанники Кавказа» / И. А. Кажарова // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 122—133. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-122-133.

Kazharova, I. A. (2018). Path as Spatial and Spiritual Category in A. Najjar's Novel "The Exiles of the Caucasus". *Nauchnyy dialog*, 8: 122-133. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-122-133. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.352.3Нажжар.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-122-133

Путь как пространственная и духовная категория в романе А. Нажжара «Изгнанники Кавказа»

© Кажарова Инна Анатольевна (2018), orcid.org/0000-0002-7431-0840, SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), barsello@rambler.ru.

В предлагаемом исследовании рассматриваются ценностные компоненты, составляющие образно-смысловой комплекс пути в романе А. Нажжара «Изгнанники Кавказа». В контексте сопряженности пространственной и духовной ипостасей пути главным образом выделяются точка исхода и итог, образ проводника, перекресток, оппозиция «свое/чужое» и связанный с этим мотив судьбы и преодоления. Обозначена роль друидизма в сохранении целостности пространства адыгского этноса. На примере отдельных эпизодов романа продемонстрировано, что разрушение родного черкесам пространства равнозначно его десакрализации, а последнее делает неминуемой трагедию этноса. Обозначен предполагаемый прототип проводника, черкесского шейха Мансура. Отслежен вектор духовной трансформации, происходящей в пределах чужого пространства, и определен символический подтекст постоянного акцентирования автором устойчивости внешнего облика. Доказано, что итог пути, изображенного в романе, обретает какой-либо смысл лишь постольку, поскольку связан со своим Началом. Отдельное внимание уделяется духовным предпосылкам, заложенным в основе создания А. Нажжаром данного романа и способности к «сохранению родины в себе» как одной из доминант его мировосприятия. Новизна исследования состоит в том, что путь как пространственная и духовная категория в романе А. Нажжара «Изгнанники Кавказа» эксплицируется и аналитически осмысливается впервые.

Ключевые слова: Александр Нажжар; роман; путь; образ; пространство; проводник; герой.

1. Введение

Путь — та образно-смысловая составляющая, которую в романе Александра Нажжара «Изгнанники Кавказа» обойти вниманием невозможно. Она явственно выделяется в контексте драматической судьбы адыгского этноса, она обнаруживает сакральные черты в аутентичном ему пространстве, она индивидуализируется его конкретными представителями в ситуации совершаемого ими выбора. Многообразный культурно-исторический опыт, накопленный разными народами мира, позволяет говорить о том, что «Концепция пути всегда связана с тайной спасения. Путь — как дирекция, как направление ускоренной трансформации в реализации собственной ценности» [Символы ..., 2008, с. 407]. Но путь, который актуализируется в романе, чей заголовок восходит к мотиву изгнанничества, не является результатом свободного выбора. Здесь направление «в реализации собственной ценности» определено национальной трагедией адыгов, именно она трансформирует путь к спасению этносом своей родины в путь спасения «родины в себе». Это данность экстралитературного порядка. И, разумеется, в творческом преломлении каждого художника она отмечена собственными ценностными доминантами. Факты биографии А. Нажжара заставляют думать о том, что путь преодоления, путь к «спасению родины» в себе, формирует личность его самого и пролегает по преимуществу не в плоскости художественной условности, а в каждодневной реальности. В данной статье мы остановимся на таких составляющих образа пути в романе «Изгнанники Кавказа», как точка исхода и итог, образ проводника, перекресток, оппозиция «свое/чужое».

2. Александр Нажжар. Штрихи к творческому портрету

Александр Нажжар (1967) — известный ливанский писатель, критик и журналист. Автор более 30 книг, переведенных на 12 языков мира.

Потомок черкесских репатриантов, А. Нажжар родился и вырос в Бейруте. Как указано в ряде источников, он окончил университет в Париже, стал успешным адвокатом. Свое первое произведение написал уже в возрасте 9 лет, а в 13 Александр, ученик иезуитской школы в Бейруте, организовал собственную газету. В настоящее время он сотрудничает с «L'Orient littéraire», ежемесячным литературным дополнением франкоязычной ливанской газеты «L'Orient-Le Jour».

О творческих успехах А. Нажжара свидетельствует внушительный список наград и почетных званий. Среди них «Победитель премии Дворец

литературы» (1994); «Лауреат Серебряной медали города Парижа» (1990); «Писатель 2000 года» (Lions Club — Ливанское отделение); «Кавалер Ордена искусств и литературы» (2001); Лауреат Серебряной медали на третьем конкурсе Франкофонии (по категории «литература»); Медаль Союза ливанских редакторов» (2000); «Офицер Ордена искусств и литературы» (2010); «Победитель конкурса «Ливанский роман — 2010»; «Победитель премии Джебрана» (2012) и многое другое [Aleksandre Najjar].

А. Нажжар активно выступает с лекциями в разных городах мира. Он «представляет Ливан в Юридической комиссии ЮНЕСКО. Является докладчиком Генеральной Ассамблеи по вопросам ратификации Конвенции ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Он был назначен советником нескольких ливанских министров культуры. В этом качестве он курирует мероприятие «Бейрут — культурная столица арабского мира», успешно защитил кандидатуру Бейрута при ее избрании «Всемирной столицей книги» в ЮНЕСКО, входит в состав Организационного комитета «Игры франкоязычных стран», проходящих в Бейруте, где он возглавляет жюри литературы, почетный гость на Международной книжной ярмарке во Франкфурте» [LiveLib].

Роман «Изгнанники Кавказа» впервые был опубликован в Париже, в 1995 году. Российскому читателю он стал известен благодаря переводу адыгского исследователя, кандидата исторических наук Каральби Ахмедовича Мальбахова. В 2002 году русскоязычная версия романа была выпущена нальчикским издательством «Полиграфсервис и Т».

Излишне говорить о том, в каких потаенных глубинах души вынашивался замысел романа и какой мерой моральной и психологической ответственности определялось для этнического адыга, предки которого были выселены за пределы своей исторической родины в итоге Кавказской войны, воссоздание кровавых событий той поры.

В существующих русскоязычных отзывах о романе неизменно подчеркивается энциклопедизм А. Нажжара, его умение ориентироваться в разновременных исторических событиях и последовательно преломлять в художественном повествовании огромное количество архивных документов, знание тончайших деталей этнографии адыгов. Но в большей степени нас поражает не столько талант удержания в поле писательского зрения стремительно меняющихся событий и фактов, сколько эффект абсолютного присутствия автора в этих событиях и проистекающий отсюда эффект абсолютного доверия к нему читателя. Объяснить это непросто, поскольку события, охватывающие довольно внушительный промежуток времени — вторую половину XIX века и первую половину XX века — действитель-

но меняются очень стремительно: не успев «пережить» одну трагедию, читатель уже оказывается в центре другой, при этом постоянно вводятся новые лица, имена которых не всегда возможно запомнить. В целом «Изгнанники Кавказа» — повествование напряженное и для восприятия очень тяжелое. И, тем не менее, эффект, о котором мы упомянули, безусловен. Возможно, убедительность, преодолевающая все «утяжеляющие» моменты произведения, проистекает из очень глубокого знания предмета, если можно так сказать, психологической вживленности в него автора. Ведь А. Нажжар вынужден был переживать реальность войны уже с юных лет. В интервью газете «The Guardian» он рассказывает: «Мне было восемь лет, когда кровавый и жестокий конфликт разразился в Ливане, и 23, когда оружие наконец замолчало. Война была для меня невыносимым кошмаром, но также — как я мог отрицать это? — отличное обучение в уроках жизни. Эрнест Хемингуэй писал, что “любой военный опыт бесценен для писателя”. Он был прав. Без войны я был бы другим человеком. Всю свою жизнь я, без сомнения, сожалею о том, что не имел мирного детства и часто видел смерть со слишком короткого расстояния. Но эти сожаления, эти испытания дали мне новое понимание жизни» [Najjar, 2006].

В 2006 году А. Нажжар опубликовал литературные мемуары с говорящим названием «Школа войны», а несколькими годами раньше, как уже было сказано, появились «Изгнанники Кавказа». Через все повествование романа проходит история семьи черкесского шейха Мансура. Примечательно, что образ каждого из членов этой семьи нигде не «смазывается». Настолько бережно, детально и скрупулезно А. Нажжар отслеживает судьбу каждого из них (причем ему интересны не только легендарные дети Мансура, но и их дети и правнуки), что создается впечатление, будто автор был движим идеей воздать дань памяти и уважения своим непосредственным предкам, запечатлеть летопись своего рода. Как видится нам, два героя, встретившиеся в прологе, — это две ипостаси самого автора: тоска по родине, которую никогда не видел, и созидательная, интеллектуальная деятельность на новой родине, в стране, которая тебя взрастила. Эти герои — молодой журналист, от лица которого ведется повествование в прологе, и привлечший его внимание черкес Кайссар — «ловец голубей» и библиотечарь, который после смерти родителей пытается воссоздать прошлое своего народа, *склеить кусочки его разбитой судьбы* [Нажжар, 2002, с. 12]. Причем, если журналист — это прямая аналогия с автором романа, то связанный с ним этническим происхождением и тоской по родине библиотечарь Кайссар также неявно воплощает созидательную деятельность А. Нажжара по восстановлению Ливанской национальной библиотеки.

3. Образ пути в романе «Изгнанники Кавказа»: ценностные составляющие

Можно сразу сказать, что в образе пути, изображенного в романе А. Нажжара, пространственные и духовные категории тесно сопряжены. Также несложно заметить, что перечень ценностных составляющих этого образа вполне типичен: начало пути и его конец, наличие проводника, перекресток, оппозиция «свое / чужое» и связанный с этим мотив судьбы и преодоления.

Уже из пролога становится ясно, что путь, мучительный и долгий, преодолен, но итог его обретает какой-либо смысл лишь постольку, поскольку связан с Началом. Именно об этом последняя фраза пролога, которую тихо произносит Кайссар: *Закрыв глаза, он прошептал: — Вначале... Вначале был Кавказ* [Нажжар, 2002, с. 12]. Эта же мысль открывает дальнейшее повествование. Начало пути изображается развернуто, и фраза *Вначале был Кавказ* повторяется здесь трижды. Внятная ассоциация с первой строкой Евангелия от Иоанна («В начале было слово...») подчеркивает сакральный и мифологизированный образ точки исхода. Несколькими точными культурно-историческими «штрихами» А. Нажжар воссоздает величественный портрет Кавказа. Причем природный облик осмыслен как носитель главной ценности этноса — свободы: *Эта гигантская панорама, вершины, окруженные ореолом туч, реки и втиснутые между скал долины, угрюмые ущелья, иногда озаряемые потоками белого света, тесные и непроходимые леса... Таково царство черкесов, свободное царство в сердце природы!* [Нажжар, 2002, с. 16].

Печатью избранничества отмечен образ проводника, вождя, за которым будут следовать черкесы в борьбе за свою независимость. Неслучайно автор делает небольшое отступление в прошлое, повествуя историю появления главного героя.

По старинному обычаю новорожденный получал имя первого незнакомца, который вошел в дом после родов. Этим «незнакомцем» оказывается не кто иной, как первый имам Северного Кавказа, предводитель народно-освободительного движения горцев, чеченский шейх Мансур Ушурма (1760—1794). Он предрекает младенцу выдающуюся судьбу и высокую миссию. И действительно, все последующие действия черкесского шейха будут свидетельствовать о его осознанном отношении к пророчеству своего великого тезки. Он тщательно готовится к тому, чтобы повести за собой народ. За долгие годы обучения в Константинополе он обретает знания и мудрость. На замечание шотландского политика Дэвида Уркхарта о том, что родина нетерпеливо ждет его возвращения, шейх дает ответ, который

обнаруживает в нем выдержку стратега: *Я больше всего на свете хочу вернуться домой. Но мой час еще не наступил. Не следует мчаться без остановок* [Нажжар, 2002, с. 23].

Шейх Мансур возглавит движение черкесского сопротивления уже в зрелом возрасте. Можно предположить, что его прототипом послужил нутухайский дворянин, военачальник западной области Черкесии Натхокуадж Мансур Хаудоко-Шупако (1777). Историк Самир Хотко, рассказывая о влиянии, которым Мансур пользовался среди соплеменников, приводит свидетельство начальника Черноморской береговой линии генерала Николая Раевского-младшего: «Племя Схупако с присягой признало его своим предводителем, Мамсыр живет в 50 верстах от Анапы, на речке Псебейсе, он ищет за Кубанью славы и влияния, какие Шамиль приобрел в Дагестане, Мамсыр предводительствовал сборищами горцев во время прошлых движений отряда между Цемесом и Анапой» [Хотко, 2014, с. 132].

Со своими воинами шейх Мансур продолжит тернистый путь своих предков к отвоеванию собственной свободы. Разумеется, сосредоточен этот путь в пределах родного пространства, не только географического, но и духовного. В наибольшей степени духовная составляющая этого пространства выражена в образе черкесских лесов.

О сакральной функции деревьев в духовной истории адыгов написано и сказано немало [Кудаева, 2008; Хабекирова и др., 2001]. Как подчеркивает С. Хотко, «друидические культы сохранялись на Кавказе вплоть до XIX в., а элементы друидической культуры проявляются и по сей день» [Хотко, 2008, с. 124]. Несмотря на распространение ислама, адыги продолжали чтить восходящий к язычеству культ священных лесов: *«Здесь все деревья достойны поклонения»* [Нажжар, 2002, с. 38], — говорит один из героев романа. Широко известно, что «священные в древности для адыгов кроны деревьев почитались, опекались, а ломать их считалось величайшим грехом человека. Помимо отдельных единичных крон и их групповых насаждений, адыги еще почитали леса с многочисленными составляющими, в которых запрещалось рубить древесину» [Хуако, 2018]. Обожествляемые адыгами, эти леса служили им также надежной защитой в стратегическом плане. Неслучайно главнокомандующий специального корпуса на Кавказе, маршал, князь Александр Иванович Барятинский видит необходимым для покорения Кавказа уничтожить леса: *Мы должны без колебаний корчевать леса, дабы вынудить горцев сражаться на открытой местности, где можно использовать артиллерию и шрапнель* [Нажжар, 2002, с. 57]. Успешное разрушение стратегически

важного для горцев пространства обеспечивает победы русским войскам: *Несмотря на суровый климат и сложный рельеф, царские войска преуспели во всех предпринятых наступательных действиях. Они выкорчевывали с помощью взрывчатки целые леса и захватывали многочисленные аулы благодаря усилиям артиллеристов* [Нажжар, 2002, с. 58]. Понятно, что в духовном плане видоизменение, а тем более разрушение подобного пространства будет равнозначным его десакрализации. Примечательно, что автор подчеркивает неотвратимость этого принципа — через эпизод, в котором запрет на уничтожение деревьев единожды нарушается самими черкесами. В это время Калимат, брат шейха Мансура, слышит проклятие духа горы: *Факел, что обжигает бук, / Превратит в пепел ваши / Нечестивые тела*» [Нажжар, 2002, с. 75]. От возмездия не спасает даже то, что во главе отряда, поджегшего буковую рощу на холме Тхамеха, находился чужеземец — поляк Анджей, дезертировавший из царского войска.

Завоевание царской армией родины черкесов, сужение родного пространства, реализм и символизм этого события непротиворечиво соединяются в образе узкой тропинки, ведущей в никуда.

Остатки отряда шейха Мансура, последние участники сопротивления под артиллерийским обстрелом покидают долину Аибго. Они покидают ее по узкой тропинке:

Наполовину согнувшись, последние представители свободной Черкесии двинулись по тропинке, указанной абреками, и побежали, раздвигая руками густые кустарники.

— Куда мы бежим? — спросил, задыхаясь, шейх Мансур.

Беглецы остановились. Никогда прежде их вождь не был в таком замешательстве. Никогда он не казался столь старым и изнуренным: глубокие морщины избороздили лоб, капли пота заливали истощенное лицо.

— *Мы бежим туда, куда ведет судьба,* — произнес Джантемир.

Стал падать мелкий дождь. Шейх Мансур посмотрел на небо, раздул ноздри, чтобы вдохнуть аромат размытой земли.

«Это мой запах, моя земля и мой дождь», — подумал он, закрыв глаза. Сев на утес, он обхватил голову руками. «Вот я, путник бесчестья, ведущий свой народ по дорогам изгнания, — думал он с горечью. — Куда идти?» [Нажжар, 2002, с. 90].

Окончательное поражение в столетней войне, отступление с территории родной земли, отчаяние и безысходность в короткой реплике Джантемира, одного из сыновей Мансура, «изливаются» как проявление слепой судьбы. В самом обобщенном понимании «судьба — путь, с которого нель-

за свернуть» [Символы ..., 2008, с. 408]. Рядом с мотивом судьбы всегда оказывается мотив выбора, «возможность отодвинуть либо, наоборот, приблизить роковое сцепление обстоятельств» [Мифы ..., 1988, с. 473]. Однако воссозданная в романе ситуация выбора не есть проявление свободной воли героев, она насаждается извне. Опираясь на факты истории, А. Нажжар пишет об этом так:

Князь Барятинский, получивший приказ покончить с сопротивлением на Кавказе, послал в 1860 году большое войско, чтобы занять территорию между Кубанью и Новороссийской бухтой.

— Они требуют, чтобы последние участники сопротивления ушли со своей земли, отступили на Кубань или эмигрировали в Турцию.

— *Это предложение неприемлемо! — вскричал шейх Мансур. — Они требуют от нас выбора между покорностью и уничтожением, между изгнанием на собственных землях и изгнанием на чужбине!* [Нажжар, 2002, с. 86].

Поэтому понятно, что иллюзией выбора оказывается также перекресток (вернее, даже не перекресток, а развилка), на котором оказываются черкесы. Перекресток — «место выбора пути и — шире — участи, судьбы» [Королев, 2006, с. 423]. После поражения для черкесов существовало только два пути, и оба были погибельны. На один из них намерен ступить шейх Мансур (*Море... — произнес шейх Мансур. — Море — наше единственное спасение* [Нажжар, 2002, с. 91]), другой — кажется единственно возможным его брату (*Я понимаю тебя, — согласился Нарт. — Но этот край, именно его воздухом дышу я. Если ты лишишь меня родины, я задохнусь, я околею, ты понимаешь? В другом месте я мертвец* [Нажжар, 2002, с. 91]).

Разрушение родного пространства, невозможность дальнейшего продвижения по предназначенному пути лишает духовной опоры проводника, шейха Мансура, делает бессмысленным его существование. Когда изнуренные, лишенные своих жилищ черкесы будут тысячами спускаться к морю, шейха не станет. Как уже подмечено в отношении его образа, «Мансур постоянно ассоциируется с орлом, смелым и бесстрашным. А наброшенный ему на плечи плащ ярко и выразительно сравнивается с крылом, летящим и стремительным» [Хуако, 2016, с. 204]. Таким же стремительным будет его уход. Шейх Мансур оступится и сорвется со скалы, однако очевидец трагедии различит в этом последний полет: *Он не потерял равновесия. Я видел, как он взлетел, я видел, как он, подобно орлу, парил над пропастью. — Сглотив слюну, он добавил: Он не потерял равновесия — он потерял надежду* [Нажжар, 2002, с. 98].

Общий путь к свободе так и не будет достигнут, а перед черкесами, выжившими после мук бесчеловечного изгнания, возникнут другие пути — на чужих землях. Пересекающие пространства Турции, Болгарии, Македонии, Франции, Ирана, Иордании, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Израиля — в борьбе за чужую свободу, эти пути обретут смысл лишь через верность воинской чести предков. Этот смысл безошибочно определяет в романе капитан Филибер Колле, предводитель черкесского полка французских вооруженных сил: *Армия кристаллизует мечты и стремления множества черкесских изгнанников и их потомков. Она примиряет молодых с прошлым, возвращает им вкус воинственности, задора, смелости, вкус чести* [Нажжар, 2002, с. 179]. Иными словами, актуализируется духовный путь — к сохранению «родины в себе». Символическое значение в этом свете имеет и постоянство внешнего облика, которое неоднократно подчеркивается А. Нажжаром на протяжении всего повествования. Хотя, казалось бы, вполне логично было предположить трансформацию внешности, происходящую вслед за духовными трансформациями, ведь «отмеченность начала и конца пути как двух крайних точек — состояний, пределов, выражается предметно (дом — храм или дом — иное царство), изменением статуса персонажа, достигшего конца пути, нередко и его внешнего облика» [Мифы ..., 1988, с. 352]. Однако на чужой земле, представленный уже в новых поколениях, облик адыгов не меняется. Постоянно подчеркиваются определяющие черты их внешности: светлые глаза, светлые лица. Причем справедливости ради надо заметить, что это облик, в наибольшей степени свойственный западным адыгам. Устойчивость облика дополняется верностью мужчин национальному костюму — черкеске.

4. Заключение

Таким образом, рассмотрение ценностных компонентов, составляющих образно-смысловой комплекс пути в романе А. Нажжара «Изгнанники Кавказа», проведено нами в контексте сопряженности его пространственной и духовной ипостасей. Избранный ракурс заставляет исследователя обратить особо пристальное внимание на сакральный характер точки исхода и функциональную энергию этой сакральности, преобразующей в глазах изгнанников образ родного пространства в образ этнического духа. Важно, что духовная трансформация, происходящая с героями на путях, обозначенных в чужом пространстве, совершенно не равнозначна духовной деградации, и этот вывод дополнительно усилен символическим подтекстом, который прочитывается в постоянном акцентировании авто-

ром устойчивости внешнего облика нескольких поколений «Изгнанников Кавказа».

Источники и принятые сокращения

1. *Ширдиева М.* Те, кто беспокоится о судьбе адыгов, и те, кто спекулирует на ней / М. Ширдиева // Адыгское слово : газета. — 2018. — 23 июня. — С. 3.

Литература

1. *Королев К.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. Королев. — Санкт-Петербург : Мидгард, 2006. — 608 с.

2. *Кудаева З. Ж.* Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З. Ж. Кудаева. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 296 с.

3. *Мифы народов мира* : энциклопедия : в 2 томах / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1998. — Т. 2. — 719 с.

4. *Нажжар А.* Изгнанники Кавказа / А. Нажжар. — Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2002. — 280 с.

5. *Символы, знаки, эмблемы* : энциклопедия / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. — Москва : Астрель; АСТ, 2008. — 556 с.

6. *Хабекирова Х. А.* Мир дерева в культуре адыгов. О Балкарии и балкарцах / Х. А. Хабекирова, А. И. Мусукаев. — Нальчик : Эль-Фа, 2001. — 313 с.

7. *Хотко С. Х.* Западная область Черкесии Натхокуадж : территория, демография, геостратегическое значение, политические лидеры / С. Х. Хотко // Кавказская война : уроки истории и современность : материалы научной конференции. — Майкоп : ГУ Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, 2014. — С. 112—135.

8. *Хотко С. Х.* Цивилизация Кабарды / С. Х. Хотко. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. — 540 с.

9. *Хуако Ф. Н.* Действующее лицо истории в адыгской прозе прошлого и нового веков / Ф. Н. Хуако // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 2 (177). — С. 200—205.

10. *Хуако Ф. Н.* Мистика местности и ее аспекты в современной адыгской прозе [Электронный ресурс] / Ф. Н. Хуако. — 2018. — 31 июля. — Режим доступа : <http://adyglit.blogspot.com/2017/11/blog-post.html?m=0>.

11. *Aleksandre Najjar* [Электронный ресурс] // Wikipedia. — Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Alexandre_Najjar.

12. *LiveLib.* Александр Нажжар [Электронный ресурс] / LiveLib. — Режим доступа : <https://www.livelib.ru/author/426079-aleksandr-nazhzhhar>.

13. *Najjar A.* The cedar is still standing. Alexandre Najjar wonders what he can tell his children about the bombing and the bloodshed in Lebanon = Кедр все еще стоит. Александр Наджар задается вопросом, что он может рассказать своим детям о бомбардировках и кровопролитии в Ливане [Electronic resource] // The Guardian. — 2006. — 19 July. — Access mode : <https://www.theguardian.com/books/2006/jul/19/israelandthepalestinians.syria>.

Path as Spatial and Spiritual Category in A. Najjar's Novel "The Exiles of the Caucasus"

© **Kazharova Inna Anatolyevna (2018)**, orcid.org/0000-0002-7431-0840, SPIN-код 8466-0022, Researcher ID K-2461-2018, PhD in Philology, senior research scientist, sector of Kabardino-Circassian literature, Institute of Humanitarian Studies — branch of the Federal Scientific Centre "Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences" (Nalchik, Russia), barsello@rambler.ru.

The proposed study examines the value components that make up the figurative and semantic complex of a path in the novel by A. Najjar "The Exiles of the Caucasus." In the context of conjugation of the spatial and spiritual hypostases of a path, the point of beginning and the end, the image of the guide, the intersection, the opposition "friend — foe" and associated with them motive of fate and overcoming are mainly singled out. The role of druidism in preserving the integrity of the space of the Adyghe ethnic group is outlined. On the example of separate episodes of the novel it is shown that the destruction of the native Circassian space is equivalent to its desecralization, and the latter makes the inevitable tragedy of the ethnic group. The proposed prototype of the guide, the Circassian Sheikh Mansur, is indicated. The vector of spiritual transformation occurring within the limits of another's space is tracked and the symbolic implication of constant accentuation by the author of stability of external appearance is defined. It is proved that the result of the path depicted in the novel acquires any meaning only insofar as it is connected with its Beginning. Special attention is paid to the spiritual prerequisites laid down in the basis of A. Najjar's creation of this novel, as well as the ability to "preserve the Motherland within himself" as one of the dominants of his worldview. The novelty of the study is that the path as a spatial and spiritual category in the novel "The Exiles of the Caucasus" by A. Najjar is explicated and analytically comprehended for the first time.

Key words: Alexandre Najjar; novel; path; image; space; explorer; hero.

Material resources

Shirdiyeva, M. (2018). *Te, kto bespokoitsya o sud'be adygov, i te, kto spekuliruyet na ney. Adygskoye slovo: gazeta*, 23 July: 3. (In Russ.).

References

- Aleksandre Najjar. In: *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Alexandre_Najjar.
- Andreyeva, V., Kuklev, V., Rovner, A. (2008). *Simvol'y, znaki, emblemy: entsiklopediya*. Moskva: Astrel; AST. (In Russ.).
- Khabekirova, Kh. A., Musukaev, A. I. (2001). *Mir dereva v kulture adygov. O Balkarii i balkartsakh*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.).
- Khotko, S. Kh. (2008). *Tsivilizatsiya Kabardy*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
- Khotko, S. Kh. (2014). Zapadnaya oblast Cherkessii Natkhokuadzh: territoriya, demografiya, geostrategicheskoye znachenije, politicheskiye lidery. In: *Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennosti*. Maykop: Adygeyskiy respublikanskiy institut gumanitarnykh issledovaniy im. T. M. Kerasheva. 112—135. (In Russ.).

- Khuako, F. N. (2016). Deystvuyushcheye litso istorii v adygsКОЙ proze proshlogo i novogo vekov. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye*, 2 (177): 200—205. (In Russ.).
- Khuako, F. N. (2018). *Mistika mestnosti i ee aspekty v sovremennoy adygsКОЙ proze*. Available at: <http://adyglit.blogspot.com/2017/11/blog-post.html?m=0>. (In Russ.).
- Korolev, K. (2006). *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem*. Sankt-Peterburg: Midgard. (In Russ.).
- Kudayeva, Z. Zh. (2008). *Mifopoeticheskaya model adygsКОЙ slovesnoy kultury*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).
- LiveLib. Aleksandr Najjar. *LiveLib*. Available at: <https://www.livelib.ru/author/426079-aleksandr-nazhzhazhar>.
- Najjar, A. (2002). *Izgnanniki Kavkaza*. Nalchik: Poligrafservis i T. (In Russ.).
- Najjar, A. (2006). The cedar is still standing. Alexandre Najjar wonders what he can tell his children about the bombing and the bloodshed in Lebanon. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2006/jul/19/israel-and-the-palestinians.syria>.
- Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 2/2. (In Russ.).